

Алексанян Нелли Арушановна

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ С МАРТА 1921 Г. ПО 1922 Г.

В статье рассматривается деятельность советских органов власти Воронежской губернии с марта 1921 г. до конца 1922 г. Изучается влияние новой экономической политики, одобренной крестьянством, на изменение условий деятельности местных Советов. Отмечаются результаты принятых мер по укреплению советской власти и оптимизации структуры аппарата Советов. Раскрываются связь между результатами выборов и процедурой замещения должностей в низовых органах власти (сельсоветах и волисполкомах), а также влияние тяжелого экономического положения в стране на их финансирование.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 23-32. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**ACCESSION OF THE EUROPEAN UNION TO THE CONVENTION
FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FUNDAMENTAL FREEDOMS:
STATE AND PROSPECTS FOR HUMAN RIGHTS PROTECTION IN THE EUROPEAN UNION**

Aleksandrova Kseniya Ivanovna
Plekhanov Russian University of Economics
ksenia.alexandrova@yandex.ru

The article examines the formation of the principle of the protection of fundamental human rights and freedoms in the European Union; special attention is paid to the legal foundations of the EU accession to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950, which were laid by Lisbon Agreement and Protocol № 14 to the Convention. The author also analyzes the legal consequences of the negative conclusion of the European Union Court regarding the Draft Agreement on the EU accession to the Convention.

Key words and phrases: The European Union; The European Court of Human Rights; human rights protection; Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms; Lisbon Agreement; The European Union Court.

УДК 94(47)“1921-1922”(470.324)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается деятельность советских органов власти Воронежской губернии с марта 1921 г. до конца 1922 г. Изучается влияние новой экономической политики, одобренной крестьянством, на изменение условий деятельности местных Советов. Отмечаются результаты принятых мер по укреплению советской власти и оптимизации структуры аппарата Советов. Раскрываются связь между результатами выборов и процедурой замещения должностей в низовых органах власти (сельсоветах и волсполкомах), а также влияние тяжелого экономического положения в стране на их финансирование.

Ключевые слова и фразы: бандитизм; выборы; депутаты; съезд; исполнительные комитеты; продовольственный налог.

Алексанян Нелли Арушановна

Воронежский государственный педагогический университет
edelweis65@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ С МАРТА 1921 Г. ПО 1922 Г.©

Перед современным российским обществом стоят задачи модернизации общественно-политического строя, создания правового государства, что без оптимизации системы местного самоуправления сделать невозможно. Сегодня в мире самоуправление рассматривается как обязательное условие демократического устройства, обеспечивающее управление в рамках закона на благо населения. Осмысление исторического опыта деятельности Советов позволит извлечь уроки, полезные для текущей политической практики.

Исследование базируется на архивных источниках Государственного архива Воронежской области (ГАВО): сводках, отчетах, письмах, информационных материалах государственных органов власти; опубликованных источниках.

Главной задачей советских органов власти после засушливого и неурожайного 1920 г., повлекшего продовольственный кризис, стала организация посевной кампании. Накануне в марте 1921 г. Губпосевком обратился с призывом ко всем уполкомам и упосевкомам принудительно расширить посевную площадь посредством введения обязательных норм обработки земли для каждого сельского общества [16, д. 10, л. 82].

Для успешной организационной работы в предстоящей посевной кампании была расширена структура волсполкомов. К уже имеющимся 5-ти отделам, это: 1) главный отдел – отдел Управления; 2) отдел записи актов гражданского состояния (ЗАГС); 3) военный отдел; 4) земельный отдел; 5) отдел наробразования, дополнительно были созданы: 6) волкомтруд – для удовлетворения запросов на гужтранспорт и работу, организации различных недельников, «воскресников», борьбы с трудdezертирством [15, д. 18, л. 86]; 7) волкомитет взаимопомощи – для сбора по селениям волости путем облоярения зерновых продуктов и овощей, самообложения среди населения всякими продуктами, которые распределяются среди нуждающихся граждан [Там же, л. 34 об.], организации в раздаче денежных сумм семьям красноармейцев, взятия на учет сирот волости, создания запасных фондов взаимопомощи и других работ [Там же, л. 82 об.]...; 8) волпосевком – для общего руководства посевной кампанией, охраны животноводства и снабжения кормами [Там же, д. 11, л. 445].

Как известно, крестьянство с одобрением приняло НЭП, о чем говорят сводки из Воронежской губернии за июль 1921 г.: «...Отношение населения к посевной кампании хорошее, во всей губернии и наблюдается стремление вспахать и засеять хлебами побольше земли... Председатель Губисполкома Сулковский» [7, д. 1, л. 32].

Однако бандитизм не прекращался, что приводило к остановке работы местных органов власти. Из доклада Ново-Белянского волревкома Богучарского уезда председателю выездной сессии Губревтрибунала: «С 26 марта с/г (1921 г. – прим. автора – Н. А.) наскочившей бандой Колесникова в количестве около 400 человек зверски изрублен насмерть Делопроизводитель местного загса и вся канцелярия волисполкома уничтожена... Советская власть в районе волости отсутствовала с 26 марта по 26 августа...» [18, д. 1, л. 36].

Секретная сводка из Воронежской губернии в НКВД доносила, что к 31 мая 1921 г. наряду с мелкими орудовали крупные бандитские формирования от 30 до 200 человек в Валуйском, Острогжском, Павловском, Богучарском, Новохоперском и Калачеевском уездах: «...группы бандитов в большинстве избегают столкновения и открытых боев с нашими частями, а делают налеты на волости и села, грабят ссыпункты и Совхозы, убивая по пути попадавшихся в их руки Советских работников, не только ответственных, но и рядовых... Зампредгубчека, Нач. информ. части» [7, д. 2, л. 132, 133].

Те же сведения доносили Председатель, Зам. заведующего Отдела Управления, Заведующий Информационно-Инструкторского подотдела Воронежского губисполкома [Там же, л. 218].

Риск стать жертвой бандитизма пугал некоторых руководителей, и они обращались с просьбой освободить их от занимаемой должности или перевести в другое село. Примером является заявление председателя Висновского сельсовета Безденежного Ивана Сергеевича в Староменовский волисполком и Староменовский военный отдел Нижнедевицкого уезда: «Апреля 27 дня 1921 г. Заявляя скажу исполкому, что в селе Висное размножилось усиленное дезертирство с винтовками и отрезами винтовок... производят грабежи и усиленную стрельбу в селе Висное, угрожают нам, местной власти... А потому прошу Вашего распоряжения об увольнении меня с должности председателя Висновского сельсовета или же перевести в какое-либо другое ближайшее село но не оставить в таком контрреволюционном обществе... К сему подписуюсь. Председатель сельсовета» [10, д. 163, л. 87, 87 об.].

Для противодействия мобильным бандитским группировкам посылать части Красной армии было бы нецелесообразно, считало партийно-советское руководство Алексеевского уезда. Оно распространило циркулярно секретный приказ по Алексеевскому уезду от 26-го апреля 1921 г., по которому обязало все волисполкомы «сформировать ударные группы в состав коих в обязательном порядке должны войти члены вол. и горисполкомов и члены ячеек Р.К.П.» [7, д. 3, л. 6]. Ударные группы уже действовали в некоторых волостях с декабря 1920 г., новизна приказа заключалась в детализации их действий, структуре и соподчиненности по единой форме.

Учитывая опыт борьбы с бандитизмом партийно-советское руководство Борисоглебского уезда также считало, что «борьба по очистке уезда от мелких банд и восстановление власти на местах может быть проведена успешно только через созданные районные революционные комитеты», как испытанных временем институтов власти. С этой целью Борисоглебский уисполком послал телеграммы в Тамбов командующему войсками губернии, копии – губисполкому, губкомпарту о том, что «для выполнения данной задачи необходимо придать вооруженную силу не менее 150 штыков на каждый Райревком, каковых уезд семь точка... Странствование Райревкомов с воинскими частями практически бесполезно так при таком методе ни одно село не уцелело бы от нашествия бандитов. Райревкомы должны оставаться на местах и с помощью приданной ему вооруженной силы село за селом очищать от негодного элемента и восстанавливать там власть... Председатель Уисполкома. 14 мая 1921 г. Борисоглебск» [13, д. 89, л. 145, 145 об.].

Успешность борьбы с бандитизмом определяла позиция крестьянства, как составляющего большую часть населения губернии. В сводках говорилось, что «Банды большею частью местного происхождения борьба с ними крайне трудная, при наличии пассивного отношения населения, запуганного и терроризованного бандитами» [7, д. 1, л. 32].

Для более тесного взаимодействия местных органов власти с населением и завоевания его авторитета НКВД 7/V-1921 г. направил в Воронежский губисполком обновленную форму отчета, где по сравнению с предыдущей появляются новые пункты, а именно: «№ 1 (Б). Неправильные или несправедливые действия представителей власти; ...№ 9. Если наблюдается недостаточная доступность представителей власти для населения, (продолжительное ожидание приема, чрезмерная затруднительность сношений с высшими представителями губернской власти) указать, что сделано в целях борьбы с этими недостатками и канцелярской волокитой» [Там же, л. 31].

Так была начата кампания против бюрократизма и волокиты, которым «страдают все учреждения, больше это заметно на глаз в тех органах, обращаться к которым приходится большому числу граждан...». Губисполком к таким ответственным работникам принимал «самые решительные меры вплоть до смещения отдельных должностных лиц с занимаемых должностей» [21, с. 18, 19].

Санкций руководства было недостаточно, необходимо участие общества. С этой целью при губисполкоме учредили Бюро жалоб РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция). Однако, хотя «устных нареканий и жалоб на волокиту бесконечно много, но, ввиду того, что русский гражданин сроднился с этим злом, письменных заявлений почти не поступает» [Там же].

К моменту истечения полугодичного срока работы Советов приближались очередные выборы. В соответствии с Конституцией 1918 г. поочередно были проведены съезды сельского, волостного, уездного и губернского Советов, которые избрали исполнительные комитеты.

Согласно протокола Рогачевского волисполкома Воронежского уезда от 29 мая 1921 г. от населения в 10 907 чел. в Совет были избраны 76 человек, из них: 71 – беспартийных, 5 – коммунистов [8, д. 83, л. 95].

Карточка Волостного съезда советов Рогачевской волости Воронежского уезда от 29 мая 1921 г. свидетельствует, что на съезде было с решающим голосом 76 чел. Из них 70 мужчин, 6 женщин; 68 беспартийных, 8 коммунистов. В волисполком избрали 6 чел.: 4 – беспартийных, 2 – коммуниста. Все мужчины.

Избрано делегатов в Уездный съезд советов – 10 чел., из них: 6 – коммунистов, 4 – беспартийных [Там же, л. 65].

Общая сводка результатов выборов по волостям Коротоякского уезда с 15 по 29 мая 1921 г. свидетельствует, что присутствовало с решающим голосом всего – 869 чел., из них: мужчин – 849, женщин – 20; беспартийных – 794, коммунистов – 75, др. партии – 0. Избрано членов в Волисполком – 84 чел., из них: мужчин – 84, женщин – 0, беспарт. – 53, коммун. – 31, др. партии – 0. Избрано делегатов на уездный съезд – 209 чел., из них беспартийных – 164, коммунистов – 45, др. партии – 0. Избрано членов в Сельсоветы – 1 634 чел., из них: беспартийных – 1 548, коммунистов – 86, др. партий – 0 [17, д. 23, л. 33].

IX съезд Советов Воронежской губернии, состоявшийся 16 июня 1921 г., «целиком прошел под знаком хозяйственного строительства... Ударной работой была объявлена окончательная ликвидация бандитизма» [2, с. 41].

М. Владимирский привел следующую статистику этого съезда: общее число участников съезда 282 чел., с решающим голосом – 242 чел., с совещательным голосом – 40 чел. Число наличного населения на 1 члена с решающим голосом – 12 656 чел. Следовательно, население Воронежской губернии к июню 1921 г. составляло 3 062 752 чел. (до Гражданской войны в Воронежской губернии проживало 3,5 млн чел.). Президиум съезда состоял из 9 чел.: 7 – коммунистов, 2 – беспартийных [3, с. 28].

Из 242 чел. участников губернского съезда были делегированы от 13 уездных съездов 196 чел., от 4-х городов – 46 чел. Отсутствовали представители от волостных съездов, от фабрично-заводских поселков, от фабрик и заводов, от профсоюзов, от партийных организаций, от красноармейских частей и др. учреждений.

Состав участников съезда из 242 чел. был таков: по гендерному признаку – 239 мужчин, 3 женщины; по профессиональному признаку – 90 крестьян, 59 рабочих, 53 служащих, 40 др. профессий; по партийной принадлежности – 197 коммунистов, 45 беспартийных; по образованию – школьное образование – 229 чел., домашнее – 12, неграмотных – 1 [Там же, с. 29, 30].

Хорошо налаженная связь между разными уровнями органов власти является условием административной деятельности и функционирования государственного аппарата. Прежде губернская власть сетовала на неудовлетворительную организацию связи с уездными и низовыми органами власти: волисполкомами и сельсоветами. На IX-м Губернском съезде Советов 16 июня 1921 г. в отчете Воронежского губисполкома отмечались положительные сдвиги в организации связи между губернской и уездными органами власти, которая осуществлялась следующим образом: «1) телеграфно-телефонная. – Один раз в две недели Губисполком по прямому проводу запрашивает каждый Уисполком по определенно-выработанному вопроснику о том, что сделано Уисполкомом. Для удобства в здании Губисполкома помещен аппарат, получающий телеграфные сведения. Эти сведения обрабатываются в общегубернскую сводку... 2) Связь письменная. – Губисполком производит твердо в жизнь правило о регулярной отчетности Уисполкомов. Правда не все Уисполкомы до сих пор еще регулярно доставляют необходимые сведения... 3) Курьерская. – Через каждые пять дней губисполком посылает в каждый уезд по специальному курьеру, который отвозит всю корреспонденцию Губисполкома и губернских отделов и привозит из уездов все, что им необходимо переслать в г. Воронеж. 4) Губисполком издает с середины марта (1921 г.) “Бюллетень”, выходящий два раза в неделю... содержит в себе наиболее важные постановления Соввласти, постановления Губисполкома и его президиума, циркулярные письма Уисполкомов... 5) Широкие совещания Губисполкома с представителями Уисполкомов... 6) Выезд представителей Губисполкома на места... 7) Вызовы представителей Уисполкома в Губисполком для доклада о положении уезда. 8) Журнал “Наша работа”... имеет своей задачей освещать работу Губисполкома и его отделов. До сих пор вышел лишь один номер 1-й за апрель. 9) При Губотделе Управления Информационно-Инструкторский подотдел фактически отсутствовал до начала апреля этого года. Лишь с апреля месяца... подотдел начинает работать» [20, с. 19-21].

В отличие от налаженности связи губисполкома с уисполкомами организация связи вышестоящих органов с волисполкомами оставалась неудовлетворительной. Она наладилась позже, о чем Лево-Россошанский волисполком доложил в Коротоякский уезд 15 ноября 1921 г. «...у нас наконец установлен телефонный аппарат» [15, д. 18, л. 83]. Полагаю, что телефонные аппараты были установлены и в других волисполкомах.

1921 г. вслед за 1920 г. также оказалось небывало засушливым и неурожайным, что привело к критическому положению населения. Об этом, начиная с июня 1921 г. регулярно сообщали в своих отчетах председатели сельсоветов и волисполкомов Нижнедевицкого [10, д. 142, л. 394], Коротоякского [15, д. 18, л. 14], Воронежского [11, д. 91, л. 39-41] уездов Воронежской губернии.

Несмотря на тяжелое хозяйственное положение, власть требовала с граждан уплату налогов, чем вызвала их недовольство и сопротивление. Приходилось прибегать к вооруженной силе. В этом смысле показателен доклад заведующего Краснолипецкого военного отряда А. Аралова 28 июня 1921 г. в секретариат Нижнедевицкого Уездвоенкомата: «Многие граждане смотрят на советских служащих, как на людей из другого мира, работающих ничуть не для них, а кому-то другому. Убедить же их в противном не удастся, например, если им дать свободно себя держать на сходах, то они закидают вопросами, “почему хлеб последний отбирают, почему нам товаров никаких не высыпают” и т.п.» [10, д. 142, л. 394].

Тяжелое хозяйственное положение усугублял бандитизм. В секретной сводке по Воронежской губернии за июль месяц 1921 г. сообщалось, что крупные бандитские формирования от 100 до 700 чел., конные, оснащенные пулеметами, совершали налеты в Алексеевском, Богучарском, Валуйском, Новохоперском, Острогском, Калачеевском, Павловском уездах. В Бобровском уезде «31 июля в лесах уезда появилась банда Антонова в 1500 всадников под командою Костина...». Также в сводке отмечалось, что среди населения «в большинстве случаев враждебное отношение к бандитам» [7, д. 1, л. 32, 33].

16 сентября 1921 г. в районе волости Россошанского уезда появилась банда Курочкина под командой Воронова, «в присутствии которой работать по всем селам волости не было возможности т.к. банда Воронова численностью около 100 чел. при <...> пулеметах ...убитых советских работников по волости 8 человек, жены советских работников, учительницы поизнасилованы, имущество до основания обобрано бандитами. ...потому села волости не функционировали с 16 по 22-ое сентября...» [18, д. 1, л. 36 об.]. «27 сентября выполняется налог как-то на картофель, масло и шерсть... К невыполненным были приняты меры личного осмотра их зерновых запасов, составлены списки на неплательщиков, а также и выехавших...» [Там же, л. 37].

Главной обязанностью членов волисполкомов и председателей сельсоветов было содействовать органам продкомитета собрать с граждан продналог.

Из докладов председателей сельсоветов Оськинской волости Коротояжского уезда к 1 октября 1921 г. Доклад Председателя Оськинского сельсовета Черных: «Работа по изъятию масличного, яичного, шерстяного и мясного продналогов идет успешно, семсуда почти закончена, осталось самое малое количество на тех гражданах с коих нечего взять. Зерновой хлебный продналог сложен Губпродтройкой от 17 сентября с.г. за № 1762». Те же результаты констатировали в своих докладах председатели Сторожевского, Мастоужинского, Платавского, Россошанского и Яблоченского сельсоветов [15, д. 18, л. 59, 59 об.].

Парадоксально, но факт, что, уплатив налог, «...Хозяйственная сторона данной волости приходит в сильный упадок по случаю сильного голода... В настоящее время большинство граждан питается листвою, корками с плодовых деревьев и гнилушками». Об этом сообщил заведующий отдела Управления Оськинского Коротояжского уезда в ноябре 1921 г. [Там же, л. 35].

В политико-экономической сводке Воронежской губернии с грифом «Совершенно секретно» за ноябрь 1921 г. были упомянуты «...шайки, орудующих в губернии бандитов», о которых были даны подробные сведения по уездам. Банды от 20 до 240 чел., конные, оснащенные пулеметами, совершали налеты в Алексеевском, Бобровском, Валуйском, Новохоперском, Коротояжском, Острогжском, Калачеевском уездах. В Павловском уезде: «...2 бандита добровольно явилось в Павловское Уполитбюро. 15 человек из оставшихся бандитов имеют намерение сдать, но их отклоняют Зверев и имеющиеся с ним 5 казаков» [7, д. 1, л. 19, 20]. Несмотря на многочисленность бандитских формирований, власть стала более успешно с ними справляться, благодаря, в первую очередь, сочувствию населения. Также со стороны самих бандитов наметилась тенденция к добровольной сдаче властям. Переход к нэпу предоставлял крестьянину свободу ведения его хозяйства, и в изменившихся условиях часть бандитов предпочла вернуться к мирному труду.

С конца 1921 по 1922 гг. служащие волисполкомов перестали получать продпайки, которые в условиях стремительно растущих цен, имели главную ценность. Это приводило к самовольному уходу со службы (что было делать запрещено, т.к. работа в госучреждениях приравнивалась к военной службе) и отрицательно отражалось на производительности труда тех, кто работал. На это постоянно указывали руководители волисполкомов.

Тресоруковский волисполком Коротояжского уезда докладывал: «Октябрь 7 дня 1921 г. № 2141. ...слабая работоспособность сельсоветов по возможности устраняется на местах путем административного взыскания и все-таки этого ни все члены Совета налицо – некоторые самовольно бросают обязанности и уезжают за хлебом. Канцелярии сельсоветов поставлены плохо – хотя ревизии таковые производились – и нет книг по формам и прочих принадлежностей...» [15, д. 18, л. 64, 64 об.].

Этот же волисполком докладывал о работе с 8 ноября по 24 ноября 1921 г.: «Ноября 24 дня 1921 г. № 2255. Сельсоветы работают слабо – членов наполовину нет в сборе, к последним принимаются меры административного наказания на местах, канцелярии сельсоветов поставлены плохо, за отсутствием пособий и малоопытности с технической стороны.

...Продналоги проходят сравнительно хорошо: масла коровьяго выполнено 92%, яиц 75%, мяса скота 85%, шерсть в общем 70%, мяса кур 70%, семсуды зерновой 43%, картофельной 25% и теперь почти закончены» [Там же, л. 86, 86 об.].

Лево-Россошанский волисполком докладывал в Коротояжский уисполком в ноябре 1921 г., что из-за тяжелого экономического положения «...работа, носящая наименование реального творчества как и вообще в рост далеко отстает от того размаха, который предпринят центром» [Там же, л. 81, 82].

Отдел Управления Оськинской волости докладывал в Коротояжский уездный отдел Управления в декабре 1921 г.: «...На почве продовольствия в данной волости неудовлетворительно, все 100% за исключением малого количества совершенно голодают» [Там же, л. 88]. В то же время «работа по продналогу с начала продкампании не останавливается...» [Там же, л. 88А].

Неудивительно, что о выборах, которые закончились 21-го ноября 1921 г. во все сельсоветы Оськинской волости Коротояжского Уезда, было сказано: «...Результаты перевыборов неудовлетворительны. Старые члены сельсовета не пришли и вновь избранная члены совета не желают со всем приступать к исполнению своих обязанностей, но председатели сельсоветов почти все старая. Взгляды населения на перевыборы сельсоветов подавленная, отношение неудовлетворительная...» [Там же, л. 88А об.].

Карточка Волостного съезда Советов Краснянской волости Коротояжского уезда Воронежской губернии от 2 декабря 1921 г. свидетельствует, что на съезде присутствовало с решающим голосом 52 чел. Из них: мужчин – 52, женщин – 0; беспарт. – 50, коммун. – 2, др. партий – 0.

Было избрано членов в волисполком – 5 чел., из них: мужчин – 5, женщин – 0; беспарт. – 4, коммун. – 1, др. партий – 0. Было избрано делегатов на Уездный съезд Советов – 11 чел., из них: мужчин – 11, женщин – 0, беспарт. – 9, коммун. – 2, др. партий – 0 [17, д. 24, л. 2].

Избранными в уисполкомы и волисполкомы оказывались в подавляющем большинстве беспартийные, по гендерному признаку – отсутствие женщин на избранных должностях. Продолжалась тенденция – количество избранных коммунистов росло от сельсоветов к уезду.

Х съезд Советов Воронежской губернии, проходивший 15 декабря 1921 г., «занился вопросами укрепления сельсоветов, упрощением аппарата и намечал переход к плановой работе» [2, с. 41].

В докладе Воронежского губернского отдела Управления на X Губернском съезде Советов «организационное построение Горсоветов города Воронежа и заштатных городов: Бутурлиновки, Буденного, Свободы» было оценено, как «ненормальное». «...Горисполком г. Воронежа до сих пор, придерживается буквально § 62-го Конституции, считая себя совершенно автономными независимым от Губисполкома... Получалось что-то вроде “Республики” в “Республике”. Губисполком, являясь высшею советскою властью в губернии, тем не менее, был лишен возможности наблюдать за деятельностью Горисполкома, руководить и контролировать его действия, переплетающиеся с мероприятиями Отделов Губисполкома...». На запрос из горисполкома разъяснить этот вопрос вскоре «оттуда (из Центра – прим. автора – Н. А.) поступило разъяснение, что Воронежский Горисполком подчинен и подконтролен Губисполкому...» [6, д. 173А, л. 166 об.].

А горсоветы уездных или как их называли, «заштатных» городов, находясь на территории уезда, «были подчинены непосредственно Губисполкому, благодаря чему Уисполкомы были совершенно лишены возможности осуществлять над ними какой-либо контроль и т.д., что иногда нарушало работу Уисполкомов в смысле проведения в жизнь тех или иных мероприятий.

...они просто выражаясь, являются туловищем без рук и головы, т.к. существует только пленум Горсовета (у них не было своего Исп. комитета т.к. сэкономили средства – прим. автора – Н. А.), который собирается через нек-ые промежутки времени, обсуждает неведомо кем выдвигаемые вопросы и проекты, выносит свои постановления, к-ые должны проводиться в жизнь Уисполкомом и его отделами... это роль “живого трупа”».

Решено было создать в уездных городах горисполкомы, которые «должны быть вполне подчинены и подотчетны Уисполкомам...» [Там же, л. 167 об. – 168 об.].

«Увязка провинциальных (сельских) органов советской власти с городскими достигается тем, что горсоветы в губерниях и волостных городах не имеют своих исполнительных комитетов и обслуживаются аппаратом соответствующих губернских, уездных и волостных исполнительных комитетов» [1, с. 13].

На деятельности исполкомов отрицательно отражались частые переброски по указу свыше ответственных работников с места на место. Об этом говорилось на X губернном съезде Советов: «...до сих пор мы наблюдали, что работники отделов Управления часто мобилизовывались на другие работы и, зачастую, в этих отделах не было не только Заведующего отделом, но даже его заместителя...»

Поскольку отделы Управления играют такое громадное значение в жизни Уисполкома, необходимо обеспечить устойчивость их работников, путем освобождений их от всяких мобилизаций на другие работы, и несменяемость в период между съездами.

Такое же явление наблюдалось и в отношении членов волисполкомов и сельсоветов. Часто мы наблюдали случаи бессистемных перевыборов и перебросок их ранее установленных сроков, ввиду чего они, не войдя в курс дела на одной должности, устранились или перебрасывались на другую должность, или в другую волость, село, а оттуда еще куда-либо и, т.о. в результате не было никакой серьезной работы, а только кочевания из одного места в другое, или постоянные перемены лиц» [6, д. 173А, л. 169 об., 170].

Заведующий отдела коммунального хозяйства Коротоякского уезда пожаловался в Коротоякский уисполком исх. № 1817 от 21 ноября 1922 г., что «Общее состояние Уоткомхоза за время от перевыборов до настоящего момента было слишком ненормальное, во-первых потому, что подбор ответственных работников был несоответствующим. До половины текущего года в отделе были люди, стоявшие далеко от интересов трудящихся к тому же не в курсе дела, то кулаки, то спекулянты, то попы, то люди, не имеющие объективного понятия о своих прямых обязанностях по службе и совершенно не заинтересованных порученным, свои обязанности упомянутые люди редко исполняли, а если и брались исполнять, то для вида, а работа у них все же не клеилась и хаос разрастался с невероятной быстротой. Второе – заведывающие Укомхозом, т.е. партработники менялись слишком часто, что давало повод вышеупомянутым людям сидеть без дела и безконтрольно проводить время, получая незаслуженное жалование. Не успевал заведывающий войти в курс дела и взять распущенные вожжи в руки как его уже снимали с работы и перемещали на другую работу, а на его место назначали другого и так весь 1921-22 годы заведывающие Уоткомхозом менялись без счета. Планомер. работы в Уоткомхозе не было, все стояло на точке замерзания...» [17, д. 17, л. 55].

Призывы большевиков к «оживлению» Советов и поиск «работников», которые могли бы поднять работу Советов, не находили отклика. Либерализация в экономической сфере сопровождалась усилением авторитарных методов в политической сфере.

Так, к примеру, партийно-советское руководство Бобровского уезда на выборную должность председателя волисполкома ввело принцип кооптирования (что равносильно было назначению), однако, и эта мера не принесла ожидаемого результата. Нижеследующий документ не имел даты, а хранился в деле, датированном с декабря 1921 г. по апрель 1922 г. В докладной записке заведующего Отдела Управления Бобровского Уисполкома в отдел Управления Воронежского губисполкома сообщалось, что «...волостные аппараты за редким исключением малоудовлетворительны, несмотря на то, что Уком и Уисполком ввели принцип назначения Предволисполкомов». Для дисциплинирования ответственных работников предложил применять карательные санкции: «Наглядным фактором может служить предание суду несколько предволисполкомов, а также и отстранение от занимаемой должности» [9, д. 383, л. 25].

Принцип кооптации применяли и в отношении выборной должности председателя сельсовета. Так объединенное заседание Краснянского волисполкома Новохоперского уезда согласно протоколу № 12 от 14 марта 1922 г. постановило «отстранить от должности председателя Краснянского Сельсовета <...> и на его место кооптировать гр. с. Красное Дмитрия Павловича Бондарева» [19, д. 1, л. 109].

Большевики все более разочаровывались и стали рассматривать проведение избирательных кампаний скорее как досадную необходимость. Из Богучарского уезда доносили: «...Все волисполкомы зачастую созывают волостные съезды Советов, что не положено по Конституции Р.С.Ф.С.Р. да и результаты таковых съездов зачастую бывают неудовлетворительны. Желательно на этот счет дать циркуляр о недопустимости частых созывов волсъездов и тем более без разрешения Уисполкома. Инструктор Отдела Управления Марченко 28 марта 22 г.» [12, д. 130, л. 134, 134 об.]. Таким образом, с одной стороны, большевики призывали к революционному творчеству, а с другой, – подавляли инициативу населения.

Учитывая снижение роли Советов, значения избирательных кампаний и актуализации в условиях нэпа задачи экономии ресурсов было определено проводить съезды Советов реже – один раз в год, а не раз в полгода, как было установлено ранее [1, с. 7].

В государстве не хватало средств. Центр, посылая скудные кредиты, предоставлял право губернской власти решать, как распоряжаться финансами. Согласно докладу отдела Управления Воронежского губисполкома «первые кредиты на 1922 год были открыты в первых числах января на три месяца – январь-март, в столь незначительных размерах, что при разассигновании их на места на каждый Уисполком пришлось по 28.000.000 рублей. Надо сказать, что как это, так и последующие, вплоть до мая месяца, кредиты высылались по старой номенклатуре, по параграфам, без разделения на статьи литеры, так что почти невозможно было установить процентное состояние кредитов на ту или иную потребность, да впрочем и не приходилось особенно задаваться о хозяйственных расходах, когда Отделу Управления не хватало средств даже на содержание личного состава, не говоря уже о других потребностях. Одновременно с высланными кредитами Финотдел НКВД поставил Отдел Управления в известность, что сельсоветы ...сняты с государственного бюджета, оставлены лишь на последнем оди Председатели Волисполкомов и что об оставлении Членов Волисполкомов на центральном бюджете возбуждено ходатайство перед Совнаркомом» [6, д. 185, л. 32, 32 об.].

Низовые органы власти (сельсоветы и волисполкомы) с начала 1922 г. в целях экономии средств сняли с госснабжения и перевели на местные средства, оставив только председателей волисполкомов, которых стали назначать. В сложившихся условиях, чтобы выжить волисполкомы самостоятельно приступили к обложению населения налогами на содержание служащих и др. нужды. Твердохлебовский волисполком представил Богучарскому уисполкому сведения на циркуляр № 695 от 28/1-22 г. о налогах: «Волисполком имеет намерение произвести самообложение хотя в минимальном виде на содержание голодающих служащих Волисполкома и его отделов, которые не получали ещё ни одного раза от государства никакого натурального пайка, жалованье также не выдается своевременно по несколько месяцев, ...и многие явно истощенные голодом служащие при всем видимом их усердии к службе к работам от голода неспособны и от работ отказываются <...> отношение населения ко всем видам самообложения вообще крайне враждебно, отовсюду слышатся протесты и местная власть в такой личности является беззащитной положением, при случае возобновления какого-либо еще налога, то можно с уверенностью сказать, что среди населения получится нежелательный конфликт» [12, д. 130, л. 127].

Монастырщенский волисполком доложил в отдел Управления Богучарского уезда в феврале 1922 г., что «состояние населения волости находится в самом бедственном и голодном состоянии... Население целыми семьями бросают свои пожитки и уезжают в разные стороны Российской республики для спасения жизни...» [Там же, л. 14, 14 об.].

Для проверки тревожных сведений и анализа работы волисполкомов комитет партии послал инструктора Отдела Управления Богучарского уезда В. Марченко. Им с 17 по 27 марта 1922 г. были обследованы следующие волисполкомы: Медовский, Сухо-Донецкий и Монастырщенский. В представленном отчете были подтверждены «...большая смертность от голода и выезд граждан из района волости» [Там же, л. 133 об.]. Канцелярская работа в указанных волисполкомах была оценена как неудовлетворительная, а именно «ведение входящих журналов не весьма правильное. Самое главное ведение кассовых и материально приходно-расходных книг без всякого соблюдения правил. В сельсовете почти не ведутся даже входящие журналы. Хотя я не мог все сельсоветы проверить, но можно судить из виденного в двух-трех сельсоветах».

По поводу самообложения выразил беспокойство, что «В связи же с прохождением всяких самообложений много может получаться недоразумений и незаконностей, но проверить при такой постановке не представляется возможным... 28 марта 1922 г.» [Там же, л. 134, 134 об.].

Краснянский волисполком Новохоперского уезда после того, как денежное и продуктивное самообложение «было сорвано кулачеством и др. элементами, не идущими навстречу Сов. власти» на своем объединенном заседании согласно протоколу № 12 от 14 марта 1922 г. постановил: «провести самообложение, нажив таковые на более зажиточный класс населения: кулаков, контрреволюционеров и т.д. ...взыскание денег за разные рода выдаваемые справки взымаются советами мало, а цены на все продукты и пр. повышаются ежедневно постановили: взимать за каждые выдаваемые справки и пр., а именно: 1) за разные рода справки 10.000 руб., 2) за выдачу разного рода удостоверений 30.000 руб., 3) за продажу и разные сделки на имущество взимать 3% с продажного имущества, 4) за брак – 100.000 руб., 20 ф. хлеба, 5) за развод – 200.000 руб. и 20 ф. хлеба, 6) за рождение – 30.000 руб. и 15 ф. хлеба, 7) о смерти – 30.000 руб. и 15 ф. хлеба, 8) за разного

рода поступающих заявлений – от 50 до 100.000 руб., 9) за каждую повестку 10.000 руб., исключая, что взято за заявление. Постановление это не распространяется на бедняков» [19, д. 1, л. 108 об. – 109 об.].

Позже самообложение волисполкомов было санкционировано губисполкомом. В сводках Воронежской губернии за июнь 1922 г. сообщалось, что «в связи с переводом Органов Здравоохранения на самоснабжение, (т.е. платные услуги – прим. автора – Н. А.) и вызванное этим сокращением штатов, в уездах наблюдается острый недостаток в медицинском и санперсонале. Недостает также медикаментов» [7, д. 3, л. 49, 50].

Также отдел записи актов гражданского состояния (ЗАГС) волисполкома с ноября 1922 г. «в соответствии с распоряжением Губисполкома ввел оплату за услуги...» [15, д. 18, л. 86].

Работу советских органов также тормозил «кадровый голод». Сводка организационно-инструкторского подотдела Отдела Управления Богучарского уезда в марте 1922 г. доносила, что его положение «...весьма тяжелое. Не говоря уже об отсутствии в достаточном количестве технических сотрудников, опытных в своем деле, не было даже заведующего п/отделом, которого не имеется и по настоящее время...». Здесь же согласно данным или по совпадению, или по закономерности среди населения данного уезда отмечалось больше всего голодающих, умерших от голода и уехавших граждан [12, д. 130, л. 52, 52 об.].

Волисполкомы били тревогу о бедственном положении населения. Например, Верхне-Шибрайский волысполком доносил в Борисоглебский уисполком: «начинает образовываться между населения настоящий голод в полном смысле слова...». Волостной исполком ходатайствовал перед Уисполкомом, принять меры для спасения нуждающихся граждан, а именно: «1) Выдать обсеменение для ярового клина, 2) Выдать продовольственную ссуду гражданам неимущих хлеба, 3) Выдать лошадей во временное пользование для засева ярового клина... февраль 1922 г.» [13, д. 206, л. 9].

После заметного затишья в Воронежской губернии вновь заявил о себе бандитизм, который, как считали руководители, начал приобретать уголовный характер. В Калачеевском уезде в феврале 1922 г. оперировала банда Фомина, которая «главным образом грабит фураж, как например, на хуторе Хоральском она забрала 650 пудов сена, 60 пудов овса и 8 лошадей» [7, д. 3, л. 29].

Бобровский уезд в марте 1922 г. также подвергся «вторжению банд под командой Фомина в районе Кучеряевской, Васильевской и Козловской волостей, произведены ряд грабежей и убийств должностных лиц Кучеряевского волсовета...» [9, д. 383, л. 1].

Ввиду того, что в губернии «наблюдаются постоянные шайки бандитов» [7, д. 2, л. 218], «объявленное 22/V-1920 года военное положение губернии не снято...» говорилось в сводке за март 1922 г. [Там же, д. 3, л. 29].

Чтобы уезды имели представление об общем положении в губернии, сведения об этом с грифом «Совершенно секретно» губисполком циркулярно высылал всем уисполкомам.

Выдержки из доклада о положении в Воронежской губернии в феврале 1922 г. председателям уисполкомов: «...Недоступность представителей власти для населения не наблюдается. Установлен ежедневный прием посетителей Предгубисполкома с 11-ти до 3-х часов дня.

...На почве недоедания ещё в начале февраля в Острогужском уезде были констатированы случаи голодной смерти, а всего их в означенном уезде зарегистрировано 52. Есть сведения о случаях голодной смерти также в целом ряде других уездов, а именно Алексеевском, Бобровском, Богучарском, Задонском, Коротоякском и Павловском. ...Также денежное положение губернии не из блестящих, и в сравнении с январем даже ухудшилось.

...Кампанию по сбору продналога можно считать законченной по всей губернии. Невыполнение полностью продналога объясняется, как указано в предыдущих сводках, неурожаем, постигшим большую часть губернии в 1921 году» [Там же, л. 25, 26].

В сводке по Воронежской губернии за март 1922 г. руководство отмечало, что «острый недостаток продовольствия...», тяжелое положение хозяйства в губернии, отсутствие материальных ресурсов препятствовало созидательной работе: «Совработа Волисполкомов не совсем налажена, ибо ощущается недостаток денежных знаков, не дающий возможности ни уплачивать жалованья, ни погашать задолженность за использованную гужевою силу» [Там же, л. 29].

Президиумы уисполкомов в плановом порядке проводили проверку деятельности волисполкомов. К примеру Президиум Воронежского уисполкома согласно мандата от 9-го мая с.г. (1922 г. – прим. автора – Н. А.) за № 621/1662 уполномочил Белявского обследовать Усманский, Рыканский, Хавы-Рождественский, Хреновско-Высельский, Красно-Логский, Можайский и Рогачевский волисполкомы Воронежского уезда. Результаты обследования оказались следующие: «...Налоги собираются слабо... Налог на содержание волисполкома и сельсоветов выполнен всего в 10%...

Волисполком тергается, не зная как взыскивать в тех случаях, когда население не платит. Уныние волисполкома больше, чем у населения. Волисполком считает всё население голодающим и вследствие этого не находит возможным проведение с успехом налоговых кампаний» [8, д. 162, л. 131 об. – 132 об.].

«Кроме вышеотмеченного обращает на себя внимание и внешний беспорядок во всех волостях, а именно: это грязь в помещениях, постоянная толкотня – праздно шатающих, курение и грызение семечек, это может быть и является усвоенным обычаем в деревенской жизни и может быть простотой, но всё-же таковой порядок теряет некоторую окраску деловитости и безусловно мешая работе.

Общая постановка канцелярской работы во всех волостях поставлена неудовлетворительно: самые элементарные правила сортировки бумаг по соответствующим делам – не соблюдаются. ...вообще нет стройного однообразного порядка в ведении делопроизводства... 22/V-1922 г.» [Там же, л. 133, 133 об.].

На заседании президиума Воронежского уисполкома 20 июня 1922 г. председатель уисполкома доложил о работе исполкома и сельсоветов Тавровской волости: «В сельсоветах председателями состоят демобилизованные красноармейцы, и работа их сравнительно идёт удовлетворительно: состав же членов Волисполкома ниже всякой критики: уровень их прочего развития и проч. значительно ниже уровня председателей Сельских советов и руководителями работ волостного масштаба они ни в коем случае не могут быть за исключением вновь *назначенного* Предволисполкома тов. Подшивалова...» [Там же, д. 167, л. 98 об.].

Твердохлебовский волисполком представил в Богучарский уисполком сведения на циркуляр № 695 от 28/1-22 г. Можно предположить, что в нем руководство запросило высказать мнение о налогах, уплачиваемых населением, на что получило ответ: «Местная власть в лице Волисполкомов и сельсоветов по своему мнению заявляет, что все налоги, как денежные, так и натуральные не нужно проводить и разделять, каждый налог отдельно, а необходимо провести единый налог и одновременно так, как до сего времени проводимые налоги только теряют доверие населения к Советской власти вообще...» [12, д. 130, л. 127, 127 об.].

О введении единого налога также говорилось на экономическом совещании в уездном городе Землянске 29 мая 1922 г. в докладной записке члена Р.К.П. Никитина: «Ряд проводившихся налогов в 1921-1922 гг. в дальнейшем в таком порядке как они проводились дальше терпимо быть не может... Цельный ряд Отделов проводит свои налоги и самообложение обращаясь к крестьянству чуть не каждую неделю, то за тем, то за другим налогом, чем конечно смущает крестьянство и ставит его на путь противодействия или неуплаты... благодаря чего создается недобор налога, составляется дефицит Государства и последнее принуждено вновь пускать в ход эмиссию и вновь обесценивать Советский рубль. Исходя из вышесказанного является необходимым изъять из всех органов прежде проводивших все возможные финансовые налоги и самообложение на разные Государственные местные нужды, а также и натуральные налоги в кои в случае невыполнения их взыскиваются деньгами и сконцентрировать таковые в Финотделе.

Этим достигается возможность составления единого поуездного бюджета, рационально распределенного по срокам налога... 17/V-22 г.» [5, д. 189, л. 10, 10 об.]. Позже это будет реализовано.

В целях упорядочения предстоящего сбора налогов были одновременно составлены списки налогоплательщиков и проведена их проверка, согласно постановлению широкого Пленума Губисполкома в июне 1922 г. «Для технического проведения сбора продналога Губпродком выделяет спецкадр проинструктированных инспекторов-сборщиков, вся же ответственность за своевременное поступление продналога возлагается на Волисполкомы и Сельсоветы.

Предгубисполкома /Абель/, Заведующий Губернским Отделом Управления /Петров/» [7, д. 3, л. 49, 50].

Актуализация темы экономии ресурсов вынудила на X губернском съезде Советов «пересмотреть слишком раздутые штаты всех советских учреждений, как в губернском центре так и на местах и сократить аппетиты их в работниках, ибо, несмотря на то, что работавшими в этом направлении комиссиями и сокращено довольно внушительное количество “советских барышень”, тем не менее в некоторых учреждениях, еще до сих пор наблюдается довольно внушительное количество излишнего балласта...» [6, д. 173А, л. 165 об., 166].

На экономическом совещании в уездном городе Землянске 29 мая 1922 г. председатель Воронежского губисполкома Новиков подтвердил, что «существующая распыленность работы органов создает довольно большую волокиту, довольно большой параллелизм в работе, заставляет держать излишний штат служащих и создаёт колоссальные расходы по содержанию учреждений и другие, а вместе с тем создается непроизводительное распыление ответственных работников... 17/V-22 г.» [5, д. 189, л. 9 об.].

Вышесказанные предложения были реализованы. В отчете отдела Управления за время с 1 декабря 1921 г. по 1 ноября 1922 г. Воронежскому губернскому съезду XI созыва было отмечено, что работы по сокращению числа низовых органов в уездах Воронежской губернии привели к тому, что из 327 волисполкомов и 2026 сельсоветов осталось 232 волисполкома и 1635 сельсоветов (т.о. количество волисполкомов было сокращено на 29%, а сельсоветов – на 19%.) [6, д. 185, л. 18 об.].

Общее количество государственных служащих Воронежской губернии на 1 октября 1922 г. составило – 5 332 чел. [2, с. 54].

На Втором Воронежском губернском экономическом совещании, подводящем итоги деятельности с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. отмечался прогресс в работе государственных учреждений и предприятий. В ходе реформы «был упразднен целый ряд Отделов, сокращено до минимума число служащих, расформированы даже целые учреждения... Параллельно с этим были приняты все меры к улучшению материального положения сотрудников, к пересмотру их качественного состава и удалению тех из них, кои по каким-либо причинам являются для учреждений неподходящими.

Все эти мероприятия не замедлили отразиться самым благотворным образом на работе учреждений и в 1922 году говорить о бюрократизме и волоките, как о систематическом зле учреждений не приходится» [4, с. 73-75].

Воронежский уездный отдел Управления докладывал о политическом положении Воронежского уезда за ноябрь-декабрь 1922 г.: «Вполне удовлетворительное, агитации против Советской власти не было», потому что «ввиду ликвидации голода» отсутствовали «причины, создающие неблагоприятное настроение уезда» [8, д. 199, л. 152].

Накануне избирательной кампании Президиум губисполкома на организационные расходы предоставил губкомиссии 30 млрд руб. и каждой уездной комиссии до 3 млрд руб. Заблаговременно, 25 сентября 1922 г., губкомиссией совместно с губкомом была выпущена листовка в количестве 3 500 экземпляров «Готовьтесь к перевыборам Советов», которые роздали всем делегатам, прибывшим на конференцию.

Кроме того, Губкомиссия разослала по волостям и селам газеты: «Воронежская Коммуна» (600 экземпляров) и «Наша газета» (2500 экземпляров), в которой были помещены статьи, посвященные вопросам строительства и перевыборной кампании.

«...Процент партийности и грамотности членов Волисполкомов и сельсоветов настоящего состава, является довольно прочным залогом того, что предстоящая перевыборная кампания пройдет с большим подъемом» [6, д. 185, л. 24].

XI съезд Советов Воронежской губернии, проходивший 11 декабря 1922 г., «уделил особое внимание делу народного образования, сельскому хозяйству и местному бюджету» [2, с. 41].

Развернувшаяся деятельность по экономии государственных ресурсов, оптимизации деятельности советских органов не могла не коснуться темы взяточничества. «Отдавая себе ясный отчет в трудности борьбы с таким социальным злом как взяточничество и не строя на этот счет никаких иллюзий высшие советские партийные органы все же полагают, что обращение общественного внимания Советской Республики на взяточничество, будет иметь своим результатом и уменьшение этого зла» [7, д. 3, л. 84]. В Воронеже была сформирована Губернская комиссия по борьбе со взяточничеством, которая циркулярно во все уисполкомы, во все партийные комитеты разослала приказы от 29/XII-22 г. с грифом «Совершенно секретно». В нем Губкомиссия представляла право всем учреждениям, органам, предприятиям самим выбрать методы и способы борьбы со взяточничеством в зависимости от «подходящей обстановки на местах». И давала общие указания, которые следовало всем выполнить: «...Организация в З/К, ссыпунктах, Упродкомах и на мельницах спецаппаратов, куда опускаются населением жалобы на тех или других работников.

...Ставя Вас в известность о принимаемых мерах Губкомиссией, просьба к Парткому широко пропагандировать через свои партячейки цель и задачу организации указанных ящиков жалоб, с тем, чтобы население широко было ознакомлено с теми мерами какие принимает Советская власть в этом отношении...» [Там же, л. 84, 84 об.].

Таким образом нэп, одобренная крестьянством, привела к постепенному уменьшению дезертизма и бандитизма. Это дало возможность уделить больше внимания на улучшение деятельности аппарата на местах и произвести организационные и структурные перестройки.

Система местного самоуправления, которая позиционировалась как высшая система демократического государственного устройства, на практике оказалась несколько формализованной. Неудачи избирательного процесса заставили большевиков пересмотреть практику его организации, в котором стали доминировать авторитарные технологии. По сути, безальтернативная процедура выборов лишила граждан избирательных прав, фактически сведя представительство к кооптированию и назначению.

Политика большевиков обусловила создание специфического феномена управляемой советской демократии, в рамках которого, выборные органы стали конструироваться по заранее заданным параметрам.

Несмотря на все перечисленное, в целом, в деятельности местных органов власти произошли определенные положительные сдвиги. Имеющиеся недостатки деятельности местных органов власти не умаляют значение системы власти, которая была создана большевиками.

Список литературы

1. **Ананов И. Н.** Местные органы советской власти. Л., 1925.
2. **Весь Воронеж:** справочная книга на 1924-25 гг. Воронеж: Воронежская коммуна, 1924.
3. **Владимирский М.** Советы, исполкомы и съезды Советов. М., 1921. Вып. II.
4. **Второй отчет Воронежского Губернского экономического совещания (1 окт. 1921 г. – 1 окт. 1922 г.)** / Издание Воронежского Губисполкома и экономического совещания. Воронеж: 2-я Советская типография, 1922.
5. **Государственный архив Воронежской области (ГАВО).** Ф. Р-2. Оп. 1.
6. **ГАВО.** Ф. Р-4. Оп. 1.
7. **ГАВО.** Ф. Р-4. Оп. 3.
8. **ГАВО.** Ф. Р-114. Оп. 1.
9. **ГАВО.** Ф. Р-165. Оп. 1.
10. **ГАВО.** Ф. Р-344. Оп. 1.
11. **ГАВО.** Ф. Р-425. Оп. 1.
12. **ГАВО.** Ф. Р-484. Оп. 1.
13. **ГАВО.** Ф. Р-503. Оп. 1.
14. **ГАВО.** Ф. Р-653. Оп. 3.
15. **ГАВО.** Ф. Р-653. Оп. 4.
16. **ГАВО.** Ф. Р-800. Оп. 1.
17. **ГАВО.** Ф. Р-1136. Оп. 1.
18. **ГАВО.** Ф. Р-1153. Оп. 1.
19. **ГАВО.** Ф. Р-2351. Оп. 1.
20. **Отчет Воронежского Губернского Исполнительного Комитета Советов (за период с 10-го октября 1920 г. по 31 мая 1921 г.) 9-му Губернскому съезду Советов.** Воронеж: 4-я Советская типография, 1922.
21. **Первый отчет Воронежского Губернского экономического совещания (на 1 окт. 1921 г.)** / Издание Воронежского Губисполкома и экономического совещания. Воронеж: 2-я Советская типография, 1921.

ACTIVITY OF THE SOVIETS OF VORONEZH REGION FROM MARCH 1921 TILL 1922

Aleksanyan Nelli Arushanovna
Voronezh State Pedagogical University
edelweis65@yandex.ru

The article deals with the activity of the Soviet authorities of Voronezh region from March 1921 until the end of 1922. The influence of New Economic Policy that was approved by the peasantry on the change of the conditions of the activity of the local Soviets is studied. The results of the measures taken to strengthen the Soviet power and to optimize the structure of the machinery of the Soviets are noted. The connection between the results of the elections and the procedure of the positions filling in the local authorities (village Soviets and Volost Executive Committees), and the impact of the difficult economic situation in the country on their financing are revealed.

Key words and phrases: banditry; elections; deputies; congress; executive committees; food tax.

УДК 17.022.1

Философские науки

Статья посвящена критике М. Шелером формализма в этике И. Канта. Построение новой теории ценностей на феноменологической базе разворачивается на фоне критического анализа предпосылок или, как их называет сам М. Шелер, мифов или заблуждений теоретической философии и формальной этики И. Канта, которые закрывают путь к учению о чистой аксиологии. Критика формализма в этике представляет собой базу для создания собственно аксиологической доктрины, которая открывает по-новому ценностный и эмоциональный мир человека.

Ключевые слова и фразы: М. Шелер; И. Кант; этика; аксиология; ценности; материальная этика ценностей; эмоциональное априори; материальное априори.

Алхасов Альш Алхасович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
alysh_alkhasov@mail.ru

КРИТИКА МАКСОМ ШЕЛЕРОМ КАНТОВСКОГО ФОРМАЛИЗМА В ЭТИКЕ©

Создав свою этическую систему, И. Кант решил одну из важнейших задач, стоявших перед этикой, – проникнуть в *априорную* природу морального суждения, воплощенную, по его убеждению, в категорическом императиве, который освободил этику от эмпирической и описательной зависимости от трудно предсказуемых целей и результатов человеческого действия. Но этика И. Канта осталась чисто формальной, лишённой какой бы то ни было связи с содержательными ценностями и потому неспособной проникнуть в их природу, постичь их ранговый порядок как материальную априорную структуру.

С появлением произведения «Формализм в этике и материальная этика ценностей» М. Шелера открылась настоящая перспектива для построения неформальной, материальной (содержательной) этики ценностей. Каков бы ни был вклад философов в решение этой задачи после М. Шелера, но именно шелеровской этике суждено было быть первой, построенной на фундаменте содержательных (материальных) ценностей, объективно данных *a priori*, именно ей суждено было охватить воедино ценности и нравы, постичь содержание благ и добродетелей в их многообразных оттенках и иерархиях.

Исходным пунктом построения М. Шелером своей этической доктрины является анализ и критика кантовской формальной этики. Главный её недостаток М. Шелер усматривает в том, что она «закрывает философии путь к учению о нравственных ценностях, построенному на конкретном усмотрении, но, тем не менее, независимому от всякого позитивного психологического и исторического опыта, к учению об иерархии этих ценностей и покоящихся на этой иерархии нормах; а тем самым – и к учению об утверждении нравственных ценностей в жизни человека, обоснованном истинным усмотрением» [5, с. 262]. По его мнению, только материальная этика ценностей, опирающаяся на феноменологический опыт, может открыть этот путь. Чтобы убедиться в этом, необходимо проверить все предпосылки формалистской и императивистской этики И. Канта, выявить её ошибочные положения и заменить их верными. Например, восстановить в правах ценностное чувство как объект этического познания. Это возможно только средствами феноменологии ценностного чувства, которую М. Шелер разрабатывает, отталкиваясь от философской программы Э. Гуссерля, распространяя её на области чувствования и этики. Одной из самых значимых целей, поставленных М. Шелером, является восстановление или новое обоснование материальной этики ценностей в противовес кантовскому формализму